

УДК 316.7(47)

DOI: 10.28995/2073-6401-2026-2-10-22

Советская культура и трансформация советской ментальности: философско-социологический анализ

Ариз А. Гезалов

*Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН, Москва, Россия
arizkam@mail.ru*

Фаниль С. Файзуллин

*Институт социально-экономических исследований Уфимского
федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия
fayzullin.f@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена раскрытию взаимосвязи культуры и трансформации советского человека. Утверждается, что советская культура определяется не столько национальными и языковыми особенностями, сколько своеобразием социальных практик, ценностей, норм, духовно-идеологических и политических установок, объединяющих народ в единую общественную систему. Подчеркивается роль и значение отечественной культуры в формировании ментальности советского человека. При этом под ментальностью понимается система устойчивых представлений и поведенческих паттернов, продолжая оказывать влияние на сознание и поведение людей даже после исчезновения породившей ее социально-политической системы. Раскрываются базовые основания, определяющие менталитет советского человека и противоречия в их развитии. В случае обладания более высоким менталитетом субъектов страны и его эффективной реализации, по нашему мнению, можно было избежать радикальных преобразований горбачевского периода и последовавшего за ними стремительного распада государственности и обеспечить интенсивное устойчивое развитие страны.

Ключевые слова: советская культура, советский человек, субъект, менталитет, советская идентичность, социальная база, демократия, общественное сознание

Для цитирования: Гезалов А.А., Файзуллин Ф.С. Советская культура и трансформация советской ментальности: философско-социологический анализ // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2026. № 2. С. 10–22. DOI: 10.28995/2073-6401-2026-2-10-22

© Гезалов А.А., Файзуллин Ф.С., 2026

Soviet culture and the transformation of soviet mentality: philosophical and sociological analysis

Ariz A. Gezalov

*Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia, arizkam@mail.ru*

Fanil S. Fayzullin

*Institute of Social and Economic Research
of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences
Ufa, Russia, fayzullin.f@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to revealing the relationship between culture and the transformation of the Soviet person. It is argued that Soviet culture is defined not so much by national and linguistic characteristics, but rather by the uniqueness of social practices, values, norms, spiritual, ideological, and political attitudes that unite the people into a single social system. The article emphasizes the role and significance of Russian culture in shaping the mentality of the Soviet person. In this context, mentality is understood as a system of stable beliefs and behavioral patterns that continue to influence people's consciousness and behavior even after the disappearance of the socio-political system that gave rise to it. The article reveals the basic foundations that determine the mentality of the Soviet people and the contradictions in their development. In our opinion, if the country's subjects had a higher mentality and implemented it effectively, the radical transformations of the Gorbachev period and the subsequent ones could have been avoided.

Keywords: Soviet culture, Soviet man, subject, mentality, Soviet identity, social base, democracy, public consciousness

For citation: Gezalov, A.A. and Fayzullin, F.S. (2026), "Soviet culture and the transformation of soviet mentality: philosophical and sociological analysis", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2, pp. 10–22, DOI: 10.28995/2073-6401-2026-2-10-22

Введение

Советская культура – это культурный феномен, сложившийся в России, а затем в СССР в период с 1917 по 1991 г. В отличие от таких понятий, как «культура Древней Греции» или «русская культура», она ближе к таким историко-культурным явлениям,

как «культура Возрождения» или «культура Просвещения». Это объясняется тем, что советская культура определяется не столько национальными или языковыми особенностями, сколько набором идей и социальных практик, объединенных в единую систему.

Хотя официальным языком СССР был русский, советская культура не создала собственного языка – она использовала русский, лишь обогатив его некоторыми специфическими словами и выражениями («советизмами»), которые, однако, не изменили глубину языкового сознания. Основу советской культуры составляют идеи, во многом уходящие корнями в русскую культуру XIX в. (особенно в ее социально ориентированные аспекты), а также особые модели поведения, формировавшиеся под влиянием советской идеологии.

Аналогичным образом организованы, например, культура Возрождения или Просвещения: они существуют в рамках европейской культурной традиции, но выделяются благодаря уникальному сочетанию идей, ценностей и социальных норм, создающих целостную систему.

Советская культура, формировавшаяся в 1917–1991 гг., находится в сложных отношениях с русской культурной традицией, особенно с наследием XIX в. Эта связь приводит к неочевидности критериев, по которым те или иные произведения можно считать «советскими». Если в случае с русской культурой атрибуция текстов обычно не вызывает споров, то с советской все сложнее – ее границы размыты, и исследователи часто расходятся во мнениях.

Одни произведения признаются бесспорными образцами советской культуры: сатирические «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова, соцреалистическая «Молодая гвардия» А. Фадеева или научно-фантастический «Понедельник начинается в субботу» братьев Стругацких. Другие – например, «Мастер и Маргарита» М. Булгакова – уже вызывают дискуссии: некоторые видят в них часть советского культурного поля, другие, как «Доктор Живаго» Б. Пастернака, большинство исследователей и вовсе исключают из советского контекста, относя их к русской литературе XX в.

Таким образом, вопрос о том, что считать «советской культурой», остается открытым. Его сложность – в диалектике взаимодействия: с одной стороны, советская культура наследует русской традиции, с другой – пытается создать собственную идентичность, что и приводит к неоднозначности классификаций.

Советская идентичность принципиально отличалась от русской своей основой – если принадлежность к русской культуре определялась прежде всего языком и естественной культурной средой, то советская идентичность требовала сознательного принятия определенной системы ценностей. Не каждый гражданин

СССР автоматически становился «советским человеком» в полном смысле – для этого нужно было разделять идеологические установки системы.

Это создавало качественное различие в критериях идентификации. Понятие «нерусский» обычно имело этнолингвистический характер, обозначая людей иной языковой и национальной принадлежности. Тогда как «несоветский» – это прежде всего характеристика мировоззренческая, указывающая на неприятие официальной идеологии. Именно поэтому можно было говорить о «степени советскости» – мере принятия человеком ценностей системы, тогда как «русскость» не предполагала таких градуальных оценок, будучи в первую очередь фактом культурной и языковой принадлежности.

Такая особенность советской идентичности подчеркивает ее принципиально идеологическую природу – в отличие от органической русской идентичности, формируемой языком и традицией. Это объясняет, почему даже среди русскоязычных граждан СССР могли быть те, кого не считали «полноценно советскими», и почему само понятие «советскость» остается предметом дискуссий и различных интерпретаций.

Советскую культуру необходимо четко отделять от советского общества как социальной реальности. Если общество представляет собой конкретную систему экономических отношений, политических институтов и повседневных социальных практик, то культура выступает как система идей, выполняющая двоякую функцию: она одновременно отражает существующие общественные отношения и задает для них нормативные образцы. Это различие можно обозначить, используя терминологию антрополога Клиффорда Гирца, как разницу между «моделью реальности» (model of) и «моделью для реальности» (model for).

При этом анализ советской культуры неизбежно требует обращения к социально-политическому и экономическому контексту советской эпохи. Ее развитие можно понять только в постоянной соотнесенности с историческими событиями и процессами. Важно учитывать иерархию культурных элементов: с одной стороны, существуют базовые, устойчивые идеи, составляющие саму суть «советскости» и сохраняющиеся на всем протяжении существования СССР; с другой – конкретные формы их воплощения, которые менялись в разные периоды, а также локальные вариации, характерные для отдельных этапов советской истории. Таким образом, советская культура предстает как сложная динамическая система, находящаяся в постоянном взаимодействии с социальной реальностью, но несводимая к ней [Горшков и др. 2022, с. 7].

Несмотря на общую однородность базовых культурных установок, в политическом плане этот исторический отрезок четко делится на две принципиально разные фазы: эпоху «развитого социализма» (1969–1985) и период перестройки (1985–1991). Время так называемого застоя отличалось усилением политического консерватизма и формированием замкнутой касты партийной номенклатуры.

Партийная элита превратилась в стареющую, разветвленную систему, где личная преданность значила больше, чем идеологические принципы. Формальная риторика о «верности партийному делу» сохранялась, но потеряла реальное содержание – в эти идеалы уже почти никто искренне не верил. Характерной чертой эпохи стал перенос акцентов с революционного будущего на текущую стабильность, что отразилось и в концепции «развитого социализма», и в новой Конституции 1977 г.

Попытка сохранить систему «коллективного руководства», установившуюся после устранения Н.С. Хрущева, вновь провалилась – власть постепенно сосредоточилась в руках Л.И. Брежнева. Возникший вокруг него культ личности с годами приобретал все более гротескные, почти фарсовые формы, демонстрируя глубину идеологического кризиса системы.

Период недолгого политического безвременья, последовавший за эпохой Л.И. Брежнева, завершился с приходом к власти М.С. Горбачева, чьи «смелые реформаторские инициативы» кардинально изменили вектор развития страны. Политика гласности раскрепостила общественное сознание, позволив впервые за десятилетия открыто обсуждать как историческое наследие СССР, так и возможные пути модернизации социалистической системы. Кадровая ротация во властных структурах, новая парадигма международных отношений и робкие попытки внедрения элементов политического плюрализма вдохнули в советское общество невиданную энергию преобразований.

Однако эти демократические послабления имели двойственный эффект. Воспринятые консервативными кругами как признак ослабления государственных устоев, реформы М.С. Горбачева спровоцировали стремительную дестабилизацию политической системы. Пробудившиеся центробежные силы, десятилетиями сдерживаемые жесткой централизацией власти, вырвались на свободу с неожиданной мощью. Ирония истории заключалась в том, что попытка обновления социалистической модели через ее демократизацию привела к необратимому распаду всей советской государственной конструкции, окончательно оформившемуся в декабре 1991 г.

Экономическая политика брежневского периода постепенно отказалась от серьезных преобразований. Реформы 1965 г., направленные на расширение хозяйственной самостоятельности предприятий, не получили полноценного развития и остались незавершенными. К середине 1970-х промышленность и сельское хозяйство демонстрировали устойчивое снижение темпов роста, обнажая кризис экстенсивной экономической модели.

Социально-экономическую ситуацию осложняли несколько взаимосвязанных процессов. Военные демографические провалы, массовая урбанизация и развитие социальной инфраструктуры исчерпали резервы дешевой рабочей силы. Одновременно в десять раз по сравнению с довоенным периодом выросло число людей с высшим образованием, преимущественно сосредоточенных в городах. Эта новая образованная прослойка формировала альтернативную систему ценностей, вступающую в противоречие с традиционным сельским укладом.

Культурный разрыв между городом и деревней, между образованной молодежью и старшим поколением стал характерной чертой позднесоветского общества. Это противостояние мировоззрений отражало глубинные изменения в социальной структуре и повседневных практиках, предвещавшие неизбежность грядущих трансформаций.

Период перестройки сопровождался парадоксальным экономическим эффектом. Несмотря на бурные дискуссии о новых моделях хозяйствования и серию реформ (расширение прав предприятий, легализация частной деятельности), благосостояние граждан неуклонно снижалось. К началу 1990-х ситуация приобрела кризисный характер: стремительный рост бюджетного дефицита, гиперинфляция и обвал национальной валюты подпитывали социальное недовольство и ускорили распад страны.

Этот период стал временем глубокой трансформации советской культурной парадигмы. Ее фундаментальные ценности теряли смысловую наполненность, превращаясь в формальные лозунги. Риторика о коммунистическом будущем звучала все реже, а когда использовалась – воспринималась как пустая дань традиции. Идеологический акцент сместился с проектов будущего на осмысление прошлого: вместо обещаний «светлого завтра» актуализировались достижения советской истории – победа в войне, индустриализация, статус сверхдержавы.

Культурная память стала доминирующим нарративом: повсеместное создание мемориалов, музеев боевой и трудовой славы свидетельствовало о ностальгическом повороте. Общество, утратившее веру в коммунистическую утопию, искало опору в героизи-

рованном прошлом, что отражало кризис идентичности и распад прежней мировоззренческой системы.

Идеологический поворот к прошлому нашел отклик лишь у части общества. Некоторые группы, особенно в молодежной среде, пытались соединить новые установки с идеалами «оттепельных» 1960-х (как, например, участники неформального коммунарского движения). Однако для большинства этот курс оказался неприемлемым, что привело к поляризации поведенческих стратегий.

С одной стороны, процветал конформизм – формальное членство в комсомоле и партии, ритуальное произнесение «нужных» речей на собраниях стали платой за доступ к социальным благам: зарубежным командировкам, ученым степеням, карьерному росту. Менялись и образовательные приоритеты: абитуриенты массово стремились в экономические и торговые вузы, гарантировавшие стабильность и материальный достаток.

С другой стороны, набирало силу диссидентство в разных формах – от узкого круга правозащитников до широких слоев интеллигенции, погруженных в «самиздат» и кухонные дискуссии. Культурный ландшафт 1970–1980-х определяли два взаимосвязанных мотива: язвительная пародия на советскую действительность и глубокое чувство экзистенциального отчаяния. Эти настроения нашли наиболее полное воплощение в творчестве Владимира Высоцкого, ставшего голосом целого поколения и культурным символом эпохи заката СССР.

Культурный кризис эпохи выражался в отсутствии целостной системы позитивных ценностей. Диссидентское движение, участники которого подвергались преследованиям и оказывались в тюрьмах или психиатрических лечебницах, по сути оставалось в рамках той же советской парадигмы, просто отрицая официальные догмы вместо их утверждения. Как метко заметил писатель Абрам Терц (Андрей Синявский), диссиденты были продуктом самого советского общества – чаще всего это были в прошлом убежденные коммунисты, люди с принципами и революционными идеалами, которые со временем пришли в противоречие с системой.

Важно отличать их от более ранних критиков советской власти, таких как Б. Пастернак, О. Мандельштам или А. Ахматова. Хотя эти поэты и писатели тоже были инакомыслящими, их мировоззрение уходило корнями в дореволюционную культуру. Диссиденты же – явление сугубо советское, выросшее из самой системы и вступившее в конфликт с ее идеологией.

Попытки диссидентов создать новую систему ценностей сводились либо к развитию идей 1960-х, либо к заимствованию патристических или либеральных концепций XIX в. Но по-настоящему

оригинальной альтернативы они предложить не смогли, оставаясь в плену той же логики, которую стремились преодолеть.

Стремление к коллективному единству в позднесоветский период находило выход в многочисленных неформальных объединениях – литературных кружках, клубах самодеятельной песни (КСП), шахматных секциях, туристических и альпинистских сообществах. Эти разнородные по составу и масштабу группы стали последними хранителями коллективистского духа, унаследованного от ранней советской культуры.

По своей сути советская культура явилась специфической формой эволюции русской культурной традиции в условиях ускоренной модернизации XX в. За одно столетие Россия прошла путь, на который европейским странам потребовались два века (XVIII–XIX) – вовлечение широких народных масс, ранее находившихся на периферии культурного процесса, в активное культурное творчество.

Этот процесс культурной трансформации происходил под влиянием идейного наследия леворадикальной интеллигенции XIX в. Однако в массовом сознании революционные идеи своеобразно переплелись с традиционными ценностями, создав уникальный синтез, определивший путь развития советской культуры [Файзуллин и др. 2022, с. 588]. К 1980-м гг. этот синтез исчерпал свой потенциал, завершив определенный исторический цикл культурного развития.

Советская культура продолжает жить в постсоветском пространстве через людей, которые выросли и сформировались в СССР. Большинство активного населения современной России – это те, кто родился в Советском Союзе, учился в советских школах и впитал определенную систему ценностей. Сегодня они – сознательно или нет – воспроизводят элементы этой системы, сталкиваясь с необходимостью совместить советское мировоззрение (уходящее корнями в русскую культуру XIX в.) с либеральной моделью, диктуемой рыночной экономикой.

Главное противоречие здесь – в принципиально разном отношении к деньгам, закону, государству. Либеральные ценности, несмотря на их многообразие, во многом противоположны советским установкам. В результате современное российское культурное поле – это огромный спектр мировоззренческих гибридов, возникающих при попытках соединить несоединимое. На уровне отдельного человека или целых сообществ эти конструкции остаются эклектичными и внутренне противоречивыми.

Разрешить это противоречие нельзя простым компромиссом – требуется принципиально иной взгляд, переосмысляющий весь

предыдущий культурный опыт. Поиск такого нового ракурса и составляет главный драматический сюжет развития российской культуры сегодня.

Социально-политические трансформации на рубеже XX–XXI вв. оказали глубокое влияние на сознание россиян и на развитие современного русского языка.

Советская система ценностей, сформировавшая языковую картину мира нескольких поколений, постепенно трансформируется под воздействием новых реалий. Этот процесс привлекает внимание исследователей из различных областей – лингвокультурологии, этнолингвистики, психоллингвистики и социальной антропологии. Ученые изучают, как изменяется отношение людей к социальным и духовным аспектам жизни, отражающееся в языке.

Междисциплинарные исследования рассматривают человека одновременно как:

- 1) носителя определенного типа мышления;
- 2) языкового субъекта, чья речь раскрывает ключевые черты менталитета.

Сквозь призму языка прослеживаются такие характерные особенности советского и постсоветского сознания, как: идеологическая обусловленность; этатистские (государственнические) установки; коллективистская ориентация.

Такой комплексный подход позволяет глубже понять взаимосвязь между языковыми изменениями и трансформацией общественного сознания в современной России.

Прошло уже более трех десятилетий с момента распада Советского Союза, но научное сообщество по-прежнему занято осмыслением феномена «советскости» [Бойма 2002; Козлова 2005; Круглова 2005] и ее трансформации в постсоветский период [Гудков 2004; Левада 2000; Рыклин 2002]. Этот процесс исследуется через призму изменений в коллективном сознании, социальных структурах, культурных парадигмах и идеологических установках. Центральное место в этих исследованиях занимает концепт ментальности, позволяющий выявить глубинные основания советской культуры и проследить их влияние на различные аспекты человеческой деятельности.

Советская ментальность понимается как система устойчивых представлений и поведенческих паттернов (англ. pattern – узор, образец, шаблон; форма, модель; схема, привычное мышление, поведение), продолжающая оказывать влияние на сознание и поступки людей даже после исчезновения породившей ее социально-политической системы. Она проявляется в языковых практиках, коллективных действиях, способах восприятия действительности,

формируя особый тип мировосприятия, который сохраняет свою актуальность в современном российском обществе. Изучение этого феномена требует комплексного подхода, объединяющего методы различных гуманитарных дисциплин, что позволяет раскрыть механизмы сохранения и трансляции культурных кодов в условиях кардинальных социальных преобразований.

Понятие ментальности в гуманитарных науках трактуется неоднозначно, порождая множество конкурирующих подходов. По своей сути ментальность представляет собой интегральное свойство культуры, воплощающее характерные для конкретного общества духовные ценности, мировоззренческие установки и поведенческие ориентации. Центральным элементом ментальности выступает система ценностей, которая находит выражение в устойчивых культурных концептах.

При анализе трансформации советской ментальности необходимо прежде всего определить ее базовые основания. Советская культура в своей основе была пронизана идеологическим началом [Барулин 2000; Геллер 1994; Зиновьев 2024], проникавшим во все сферы человеческого существования. Хотя некоторые исследователи рассматривают советского человека как продукт целенаправленного идеологического конструирования, правильнее говорить о сложном процессе взаимной адаптации – с одной стороны, усилия власти по реализации своего проекта, с другой – способность людей воспринимать предлагаемые нормы и ценности без явного принуждения [Бурдые 2001, с. 107]. Как отмечают специалисты, «советскость» возникла как непреднамеренный результат этого взаимодействия, где идеологические установки органично вплетались в повседневные практики и мировосприятие людей [Козлова 2005].

Заключение

В основе советской ментальности лежала идеологическая парадигма, сформировавшая ключевые характеристики сознания – этатизм (государственничество) и коллективизм. Эти два принципа стали системообразующими ценностями, где государство воспринималось как высшая форма социальной справедливости, а концепт «советский народ» объединялся вокруг образа сильного, справедливого государства.

В этой ситуации особый интерес представляет феномен «истинного советского человека» в отличие от типичных партийных функционеров, который обладает редким сочетанием качеств: вы-

сокого интеллекта и образованности; умения органически связать традиции и новые прогрессивные явления; высокой ответственностью и коммуникативным даром; способностью определять и реализовывать интересы многонационального народа.

В случае обладания такими характеристиками субъектов страны СССР мог бы избежать радикальных преобразований горбачевского периода и последовавшего за ними стремительного распада государственности. Вместо этого Советский Союз получил бы возможность эволюционного обновления по модели «управляемой модернизации», сохранив при этом свою целостность и суверенитет.

Опыт успешного развития других социалистических стран (прежде всего Китая) показывает, что подобный путь мог бы обеспечить СССР даже не только сохранение, но и укрепление позиций мировой державы. При грамотном реформировании экономики, при сохранении политической стабильности Советский Союз вполне мог бы осуществить свой «экономический рывок» значительно раньше китайских реформ, подтвердив статус одной из ведущих мировых держав на долгие десятилетия вперед.

Однако история не знает сослагательного наклонения, и эти размышления остаются в области аналитических гипотез, подчеркивающих важность субъективного, общечеловеческого фактора в историческом процессе и альтернативные возможности развития крупных государственных систем.

Как метко в одно время выразился Владимир Путин: «Кто не жалеет о распаде Советского Союза, у того нет сердца; кто хочет воссоздать его в прежнем виде, у того нет головы». Эта фраза отражает всю сложность отношения к советскому наследию – ностальгия по утраченному единству сочетается с пониманием необратимости исторических процессов.

Литература

- Барулин 2000 – *Барулин В.С.* Российский человек в XX веке: потери и обретения себя. СПб., 2000. 428 с.
- Бойма 2002 – *Бойма С.* Общие места: мифология повседневности. М., 2002. 320 с.
- Бурдые 2001 – *Бурдые П.* Практический смысл / Пер. с фр. А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Zenкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
- Геллер 1994 – *Геллер М.* Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: МИК, 1994. 336 с.
- Горшков и др. 2022 – *Горшков М.К., Комиссаров С.Н., Карпухин О.И.* На переломе веков: социодинамика российской культуры. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 703 с.

- Гудков 2004 – Гудков Л. Негативная идентичность: Статьи 1997–2002 гг. М., 2004. 807 с.
- Зиновьев 2024 – Зиновьев А.А. Гомо советикус: К столетию А.А. Зиновьева. М.: Канон+, 2024. 360 с.
- Козлова 2005 – Козлова Н.Н. Советские люди: Сцены из истории. М.: Европа, 2005. 544 с.
- Круглова 2005 – Круглова Т.А. Советская художественность, или Нескромное обаяние соцреализма. Екатеринбург: Изд-во «Гуманитарный университет», 2005. 384 с.
- Левада 2000 – Левада Ю. От мнений к пониманию: социологические очерки 1993–2000 гг. / Под ред. М.С. Ковалевой. М., 2000. 576 с.
- Рыклин 2002 – Рыклин М. Пространство ликования. Тоталитаризм и различия. М.: Логос, 2002. 280 с.
- Файзуллин и др. 2024 – Файзуллин Ф.С., Комиссаров С.Н., Гезалов А.А. Актуализация проблем развития национальных культур России в условиях глобализации // Евразийский юридический журнал. 2024. № 10 (197). С. 587–589.

References

- Barulin, V.S. (2000), *Rossiiskii chelovek v XX veke: poteri i obreteniya sebya* [The Russian man in the twentieth century: loss and self-discovery], St. Petersburg, Russia.
- Boima, S. (2002), *Obshchie mesta: mifologiya povsednevnosti* [Common places: the mythology of everyday life], Moscow, Russia.
- Bourdieu, P. (2001), *Prakticheskii smysl* [Practical meaning], Aleteiya, St. Petersburg, Russia.
- Fayzullin, F.S., Komissarov, S.N. and Gezalov, A.A. (2024), “Actualization of the problems of development of national cultures of Russia in the context of globalization”, *Eurasian Law Journal*, no. 10 (197), pp. 587–589.
- Geller, M. (1994), *Mashina i vintiki. Istoriya formirovaniya sovetskogo cheloveka* [Machine and cogs. The history of the formation of the Soviet man], MIK, Moscow, Russia.
- Gorshkov, M.K., Komissarov, S.N. and Karpukhin, O.I. (2022), *Na perelome vekov: sotsiodinamika rossiiskoi kul'tury* [At the turn of the century: sociodynamics of Russian culture], FNISTS RAN, Moscow, Russia.
- Gudkov, L. (2004), *Negativnaya identichnost'. Stat'i 1997–2002 gg.* [Negative identity. Articles of 1997–2002], Moscow, Russia.
- Kozlova, N.N. (2005), *Sovetskie lyudi. Stseny iz istorii* [Soviet people. Scenes from history], Evropa, Moscow, Russia.
- Kruglova, T.A. (2005), *Sovetskaya khudozhestvennost', ili neskromnoe obayanie sotsrealizma* [Soviet artistry, or the immodest charm of Socialist Realism], Gumanitarnyi universitet, Yekaterinburg, Russia.

- Levada, Yu. (2000), *Ot mneniyi k ponimaniyu: sotsiologicheskie ocherki 1993–2000 gg.* [From opinions to understanding: sociological essays 1993–2000], Kovaleva, M.S. (ed.), Moscow, Russia.
- Ryklin, M. (2002), *Prostranstvo likovaniya. Totalitarizm i razlichiya* [A space of jubilation. Totalitarianism and differences], Logos, Moscow, Russia.
- Zinoviev, A.A. (2024), *Gomo soveticus: K stoletiyu A.A. Zinov'eva* [Homo sovieticus: On the centenary of A.A. Zinoviev], Kanon +, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Ариз А. Гезалов, кандидат философских наук, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия; 117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5; arizkam@mail.ru

Фаниль С. Файзуллин, доктор философских наук, профессор, академик АН Республики Башкортостан, Институт социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Уфа, Россия; 450054, Россия, Уфа, пр. Октября, д. 71; fayzullin.f@gmail.com

Information about the authors

Ariz A. Gezalov, Cand. of Sci. (Philosophy), Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bldg. 5, bld. 24/35, Krzhizhanovskogo Street, Moscow, Russia, 117218; arizkam@mail.ru

Fanil S. Fayzullin, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Institute of Social and Economic Research of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia; bld. 71, Oktyabrya Avenue, Ufa, Russia, 450054; fayzullin.f@gmail.com